

Глава 7

Ты хороший человек, и я хороший человек. Каждый человек хороший.

Сказав это, я заметил свой маленький дворик с небольшого расстояния. Услышав мои слова, Цзюцяньсуй сделал очень странное выражение лица, которое определенно не было ни радостным, ни злым.

Он неожиданно схватил меня за руку и шагнул вперед, достигнув несколькими шагами моего маленького двора и яростно распахнув полузакрытую дверь. Притянув меня к себе, он повысил голос и спросил: «Хороший ли я человек?»

В моем дворе, во главе с Сяо Ван, на коленях в глубоком снегу стояли семь или восемь человек, держась очень официально и послушно. Хотя я не знал всех их имен, я знал, что все они были моими слугами. Их волосы и плечи были слегка влажными, на них виднелись следы растаявшего снега, а когда дул ветер, их лица бледнели от холода.

С утра снега больше не было, а сейчас был уже полдень, а значит, они должны были стоять на коленях уже как минимум несколько часов...

Ошарашенный, я оглянулся на Цзюцяньсуя.

Хотя я был слугой низкого происхождения и вырос во дворце, и я слышал множество историй о господах, оскорбляющих и бьющих своих слуг, я никогда не видел этого собственными глазами после всех этих лет службы Его Королевскому Высочеству. Это было впервые.

Цзюцяньсуй тоже смотрел на меня. Выражение его лица без всякого удивления наводило на мысль, что здесь все делалось по его приказу. Он спросил меня: «Ты все еще считаешь меня хорошим человеком?»

Его глаза, казалось, содержали горящее пламя холода.

— Зачем заставляешь их стоять здесь на коленях? Хотя я уже догадался об ответе, я все же спросил.

— Потому что они пренебрегли своими обязанностями по отношению к тебе. Они не были послушными или верными слугами, — усмехнулся Цзюцяньсуй.

Он поднял подбородок и окинул взглядом двор холодным и отстраненным взглядом, затем снова сосредоточил свое внимание на мне, глядя на меня высокомерно и снисходительно.

«Но прошлой ночью...» Это я разрешил им выйти и поиграть.

Я не мог не захотеть защитить этих слуг.

Если бы это была любая другая ситуация, когда хозяин ругает своих слуг, будь то Его Королевское Высочество или Цзюцяньсуй, я бы никогда не вмешался, поскольку это было законным поступком. Но теперь эти люди были наказаны из-за моей минутной невнимательности, поэтому я не мог просто закрыть на них глаза.

Однако Цзюцяньсуй резко прервал мое объяснение.

«Нет необходимости объяснять. Этот очень хорошо понимаю все, что происходит». Его саркастический тон вернулся, и он даже использовал термин «Этот», который использовался исключительно евнухами. Он усмехнулся, но я не увидел улыбки в его глазах: «Это всего лишь несколько слуг, которых нужно наказать и покончить с ними. Раньше в этом особняке слуг уже забивали до смерти. Ходят слухи, что Этот выпивает чашу свежей человеческой крови каждый день. Ты бы поверил?»

Он неторопливо прошагал мимо меня, но внезапно стал агрессивным, когда подошел к ближайшему слуге, поднял ногу и сильно ударил его по плечу. Человек, наполовину замерзший, отлетел и тяжело рухнул на землю, прежде чем он успел даже среагировать, чтобы защитить себя. Даже с подушкой из толстого снега его падение произвело громкий шум.

Я был поражен и неосознанно сделал несколько шагов вперед, чтобы помочь, но на полпути заколебался и остановился рядом с Цзюцяньсуйем.

«Это то, что сделал бы хороший человек? Ты не хочешь взять свои слова обратно?» Он повернулся, чтобы посмотреть на меня, его глаза были полны паранойи и были почти на грани безумия.

Я не понимал, почему он был так одержим моим замечанием о «хорошем человеке», что предпочел бы выместить зло на невиновном человеке и заставить меня взять свои слова обратно.

Ошеломленный, я прошептал: «Но Дужу... был добр ко мне».

— Добр к тебе, — насмешливо повторила Цзюцяньсуй, поднимая руку, чтобы медленно и нежно коснуться моего лица. Его глаза сузились: «Я заставил тебя быть со мной и растоптал твое достоинство. Это так «был добрым к тебе?»»

Я не мог придумать, что сказать.

Он продолжил вопрос: «Шуньван относился к тебе также, и поэтому ты так предан ему? Тогда, сравнивая Этого с Шуньваном, кто лучше относится к тебе?»

Слуга, которого отбросили, стонал от боли неподалеку. Он боролся, размахивая конечностями, пытаясь подняться, только чтобы снова и снова падать, пока он не был полностью измотан и мог только беспомощно дрожать на снегу.

Остальные слуги стояли на коленях и не осмелились сделать ни единого движения. Младшие служанки тихонько плакали, и я слышал их сдавленное дыхание.

Цзюцяньсуй не был тронут. Он был полон решимости услышать мой ответ. Как будто жизни остальных ничего не стоили для него, так что ему даже не нужно было бросать на них взгляд.

Если бы так продолжалось, не только раненого слугу, но и других постигло бы неминуемое бедствие. Скорее всего, они будут серьезно ранены, если не погибнут. Я был очень напуган, так как не хотел, чтобы они пострадали.

Цзюцяньсуй был намного выше меня, поэтому мне приходилось смотреть на него снизу вверх. Так совпало, что снег на ветвях надо мной был потревожен и упал на землю. Снег залетел мне за воротник, заставив меня вздрогнуть.

Внезапно я вспомнил канун Нового года.

Той ночью Цзюцяньсуй тоже смотрел на меня сверху вниз, одной ногой сильно нажимая на мою шею, как будто раздавить меня было так же легко и несерьезно, как убить муравья. Но потом...

Внезапно я сделал шаг вперед, чтобы приблизиться к Цзюцяньсуи, и встал на колени, поставив колено рядом с носком его стопы. Одной рукой я потянула его за рукав, глядя вверх, и обнажила под ним все свои слабости, включая живот, спину, грудь и шею. И я тихо сказал: «Несмотря ни на что, Дужу был добр ко мне. Дужу снабжал меня едой и одеждой и делил со мной свою постель. Я буду помнить все эти добрые дела в своем сердце, и я весь в вашем распоряжении».

На самом деле, я сам не понимал, сколько из моих слов было лестью, а сколько искренностью.

Тайные гвардейцы и воины-самоубийцы (Прим: Первоначальный термин здесь — сиси, 刺客, что означает «воины, не боящиеся смерти») имеют некоторое сходство. Это потому, что, зная маршрут их хозяев и различную важную географическую информацию, мы должны были немедленно проглотить ядовитую пилюлю и покончить с собой в случае захвата. Однако мой наставник, благородный человек, очень благосклонный ко мне, тайно научил меня многим спасающим жизнь навыкам.

И одним из них было показать слабые места.

«Имущие власть настолько привыкли к заговорам и обману, и так привыкли к соперничеству и

предательству, что никому из них не будет противно ощущение абсолютной власти над всем. Если когда-нибудь наступит такой день, и ты должен будешь отказаться от всего, покажи свои слабости и поклянись верности. Отдай свою судьбу, чтобы этот человек помиловал и пощадил твою жизнь, даже если ты уже ничего не стоишь». Это были точные слова моего наставника.

После кануна Нового года у Цзюцяньсуй никогда не было намерения убить меня, и меня внезапно озарило, что, возможно, тогдашние слова моего наставника были правдой.

«Я знаю, что Дужу жалеет меня из-за холода. Поэтому могу я смиренно попросить Дужу избавить сердце Цзиньинь от беспокойства и вины и помиловать слуг. Могу ли я?"

Вокруг было абсолютно тихо, когда Цзюцяньсуй посмотрела на меня сверху вниз. Некоторое время он оставался неподвижным.

Сразу после того, как я опустился на снег, мои колени онемели от обжигающего холода. Что еще хуже, снег растаял от температуры моего тела, просачиваясь в штаны, заставляя меня горько страдать. Я не мог себе представить, какие страдания испытали слуги, стоя на коленях все утро.

Внезапно Цзюцяньсуй повернулся в сторону, стряхнув с себя мою руку, державшую его за рукав.

Мое сердце замерло.

И все же у меня не было времени подумать. Поскольку я стоял на коленях прямо, и мое тело поддерживалось только коленями, внезапное движение Цзюцяньсуя толкнуло меня вперед и заставило потерять равновесие. Моя верхняя часть тела была наклонена вперед, и я был готов упасть.

Но попал в теплые объятия.

«Ты определенно хорошо разбираешься в том, как быть настоящим игрушечным мальчиком». — сказал Цзюцяньсуй, поднимая меня на руки и направляясь к комнате.

Я обернулся, чтобы посмотреть через его плечо — слуги с трудом вставали со снега, и вместе они поддержали раненого и тихонько вышли со двора.

Я вздохнул с облегчением.

<http://bllate.org/book/14094/1239601>